

Хейрократия: к характеристике античного большевизма и социализма (социологическое исследование Полибия)²

- 1 Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — русский общественный и политический деятель, публицист, историк, социолог и философ. В момент написания статьи находился в эмиграции в Белграде.

Перевод с немецкого О. В. Кильдюшова, выполнен с оригинала: *Struve P.* (1936) *Cheirokratie: Zur Charakteristik des antiken Bolschewismus und Sozialismus. Eine soziologische Polybios-Studie. Zeitschrift für Nationalökonomie.* Band 7. Heft 3. S. 289–298. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Новые социетальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2022 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Редакция благодарит А. А. Солопову (МГУ им. Ломоносова) за сверку древнегреческих цитат.

- 2 Если я правильно ориентируюсь в литературе по Полибию, в интересующем меня отношении основополагающими до сих пор являются следующие труды: 1) Глубокая монография позже прославившегося как византист петербургского профессора В. Г. Васильевского (1838–1899): [Васильевский 1869]; я использовал первую публикацию в «Журнале Министерства Народного просвещения» за 1868–1869 годы, тома 139–142, особенно т. 140, с. 443–518. По поводу судьбы этого превосходного труда на тогдашней (1868!) почти девственной почве античной социальной истории можно с грустью воскликнуть: *Rossica non leguntur!* Впрочем, Марсель Дюбуа верно оценил «большую пронизательность» (*grande sagacité*) русского историка [Dubois 1885]. Рудольф фон Скала понятия не имел о работе Васильевского [Scala 1890].

Насколько я знаю, Васильевский был первый, кто до Рудольфа Хирцеля и Рудольфа фон Скалы точно определил влияние на Полибия учения стоиков о государстве и обществе. С другой стороны, Васильевский установил непосредственную взаимосвязь спартанских попыток социальной реформы со стоическим возрождением «ликурговского» духа и мифа о Ликурге. Наконец, в 1868 году Васильевский, который был учеником толкового петербургского историка Михаила Куторги и гениального Теодора Моммзена, к счастью, еще не знал теоретически и исторически вводящей в заблуждение категории «капитализм». В превосходной статье «Демократия» рано умершего московского классического филолога Валериана фон Шеффера (1864–1900), к сожалению, Полибий недостаточно, на мой взгляд, учитывается и несправедливо оценивается [Schoeffler 1903: 346–374]. Именно как «дитя эллинистической эпохи» Полибий имел особенно острый взор на пороки

Душам моих старших коллег по Петербургской Академии наук: Павла Виноградова, Александра Лаппо-Данилевского и Михаила Дьяконова

I.

В 1917 или 1918 году я — открытый, непримиримый и объявленный вне закона противник большевиков во всех сферах — случайно имел короткий разговор с лично хорошо знакомым коллегой из Петербургской Академии наук, ориенталистом с международной репутацией, который, в сущности, будучи послушен «необходимости, не своему влечению»¹, выступил, так сказать, «попутчиком» советского режима. Чтобы оправдаться передо мной, он без всякого принуждения заявил следующее: «Я склоняюсь к большевизму, однако коммунизм совершенно чужд мне». Смысл этого на первый взгляд странного оправдания, на которое я по соображениям деликатности вообще никак не отреагировал, но которое глубоко проникло в мою память, в имплицитном и эксплицитном (мой собеседник пояснил его) виде заключался в следующем: коммунизм — это

215

и извращения эллинского «народовластия». По этой причине Полибий столь поучителен со сравнительно-исторической точки зрения. При написании этой статьи, к сожалению, я мог использовать лишь устаревшее парижское издание 1839 года (Firmin Didot): Polybii. . . quae supersunt. Graece et latine cum indicibus). В его основе, как известно, лежит большое издание Швайгхойзера (1789–1795), к сожалению, не имевшегося у меня под рукой. С пользой и наслаждением я посмотрел первый латинский перевод Полибия в издании 1547 года: Polybii Megalopolitani Historiarum libri priores quinque, Nicolao Perotto Sipontino interprete. Item Epitome sequentium librorum usque ad decimum-septimum Vuolfgango Musculo interprete. Basileae apud Episcopium Juniorem MDLVII. Вольфганг Мускулус (1497–1563) был известным южнонемецким протестантским теологом и с 1549 года являлся профессором теологии в Берне. Значительную пользу мне принес в целом превосходный русский перевод Полибия пера ученого казанского профессора, филолога-классика Федора Г. Мищенко (1848–1906) [Полибий 1890–1899]. Ему русская наука также обязана превосходными переводами других греческих писателей — Геродота, Фукидида, Страбона. Этот перевод Полибия авторства Мищенко, который показательным образом посвящен В. Г. Васильевскому, содержит большое введение о «Федеративной Греции», научные замечания и экскурсы, а также очень подробный и полезный предметный и именной указатель, своего рода компетентный путеводитель по Полибию.

1 Здесь Струве цитирует ставшую афоризмом первую строчку из поэмы Фридриха Шиллера «Мессинская невеста, или Враждующие братья»: *Der Not gehorchend, nicht dem eignen Trieb.* — *Прим. пер.*

теория и идеология, а большевизм — народное движение, возникшее непосредственно из инстинктов и чувств.

Эта отговорка уже умершего коллеги, совершенно независимо от терминологического облачения и этической оценки вывода (о последней в конечном счете невозможно сказать ничего научного), была социологически точной. Во всех социальных «-измах» можно различать между движимым инстинктами и подпитываемым чувствами «движением», с одной стороны, и конструированием целей и средств, т. е. теорией или «идеологией», с другой. Более того: из каждого «движения», даже если ему вообще не соответствует никакая явная «идеология», все же можно — путем стилизирующей абстракции — вывести определенную идеологию. Например, как в случае такой экономической политики и правительственной практики, как меркантилизм. Подобно тому как идеологии вызываются к жизни «практическими» потребностями и задачами, так и действия, и максимы индивидов и обществ предполагают «теоретические» взгляды или включают их в себя. Есть, так сказать, два вида идеологий. Одну я мог бы назвать неосознанной, невыраженной, изначальной, т. е. имплицитной, а вторую — сознательной, выраженной, разработанной, т. е. эксплицитной¹.

216

Существовал ли античный социализм? Этот вопрос логически состоит из двух других. Во-первых, что понимается под словом «социализм»? Ответ на него зависит от артикулированной нами или же принятой по умолчанию дефиниции социализма. Во-вторых, как соотносится с этой дефиницией имеющийся у нас социально-исторический факт, т. е. соответствующая идеология? И когда мы обнаруживаем в изучаемой социальной действительности «движения», с одной стороны, и «идеологии», с другой, как ясно различимые «явления» или «ряды явлений», встает следующий вопрос: как один ряд явлений фактически, психологически и социологически соотносится с другим?

---

1 Георг фон Белов с тонким пониманием отличает «ученые государственные доктрины» от «понимания государственного учреждения, имевшегося в практической жизни», но верно добавляет там же: «Даже во второстепенных оборотах простого документа, написанного занятым в канцелярии клириком, уже часто содержится элемент теории, причем иногда довольно примечательной теории. Тем не менее мы можем провести границу». См.: [Below 1914: IX]. Но совершенно понятно, что «теория» или «идеология» всегда и повсюду скрыта в каждом документе, в каждом акте и т. д. Все «действия», заслуживающие этого названия, раз они являются «общественно» релевантными, осуществляются на основании «взглядов», «соображений» и подобных «теоретических» утверждений. Также см.: [Keutgen 1918: 6-7].

То, что написано о сущности «социализма», практически необозримо.

И все же дефиниция этого понятия имеет исходный пункт, который как теоретически, так и исторически можно рассматривать в качестве основополагающего и окончательного. Бесспорно, что проблема и понятие социализма впервые и окончательно были зафиксированы Аристотелем.

Аристотель с просто поразительной (если учитывать эпоху — примерно за 2250 лет до нас) теоретической ясностью и эмпирической остротой обрисовал идейное содержание и социологический смысл социализма. Он заключается в полной общности или обобществлении имущества, т. е. — «негативно» и «динамично» выражаясь — во всемерной ликвидации частной собственности. При этом Аристотель отталкивается от отображения и критики чужих взглядов, в первую очередь платоновских (как известно, понятийно обобществление имущества стоит для Аристотеля как критика Платона в одном ряду с обобществлением женщин и детей). Так что *обобществление имущества* является достаточно широкой формулой для *социологического* понятия социализма¹.

То, что при этом Аристотель исходил из тогдашней проблемы «идеального государства», является для нашего теоретического и исторического рассмотрения наиболее важным и прямо-таки определяющим.

217

Эллинский «социализм» не был ни институциональным фактом, ни ἐπιτήδευμα (обычаем), πολιτεύμα (государственным строем), κατάστασις (учреждением), ни общественным движением — для этой ситуации и соответствующего понятия у эллинов отсутствовало обобщающее выражение². Эллинский социализм был лишь работой мысли, идеологией в самом узком смысле слова.

1 Ср.: πότερον κοινὴν ἢ μὴ κοινὴν εἶναι τὴν κτήσιν (должна ли собственность быть общей или не общей?). Политика. Книга 2. II. (1262b.)

2 Тем не менее эллины имели много очень точных выражений для понятия «революция» или «гражданская война» как фактического «восстания» или «изменения»: στάσις [Платон. Законы. I, 628: ἢ πρὸς πόλεμον τὸν ἐν αὐτῇ (sc. πόλει) γιγνόμενον ἐκάστοτε, ἢ δὴ καλεῖται στάσις — ... чем на войну, происходящую всякий раз (в самом государстве), которая зовется восстанием], существительному στάσις соответствует глагол στάσιάζω; μεταβολή (sc. τῶν πραγμάτων), μετάβασις (Платон. Законы. V, 736-737), καινοπραγία, καινὰ πράγματα. Революционное движение: νεωτερισμός (οἱ κατὰ πόλιν νεωτερισμοὶ — восстания против государства, Платон. Законы. VI, 758), νεωτερισμοῦ ἐρώντες (novarum rerum cupidi) — жаждущие переворота, Платон. Государство, 555, cf. νεωτερίζειν τὴν πολιτείαν, Фукидид. 1, 115, также νεωτεροπία, ἀποστασία, ταραχή (Исократ: Агеор. III, 20), διχοστασία (Феогнид у Платона: Законы. I, 630a). Революционер (существительное): νεωτεριστής, νεωτεροποῖός.

Он состоял из «конституционных проектов», как Якоб Бернайш передает смысл слова *πολιτεία* у Аристотеля (Политика. II, 1265)¹. Теперь можно спросить, существовали ли в Элладе вообще «социальные движения» как таковые. И если да, то как они соотносились с идеологиями?

Социальные движения в Элладе несомненно существовали, но эти движения, видимо, все же не несли с собой эксплицитных идеологий. За одним исключением, причем очень важным! Для прояснения этого здесь мы вновь должны затронуть основополагающий спор Платона и Аристотеля. Эллинский социализм, насколько он нам известен из сочинений Платона и его критической оценки Аристотелем (а это почти единственные и единственные надежные источники об этом для периода до македонской гегемонии), был «антидемократическим» и в этом смысле «реакционным». Это «дорийски» ориентированный, развитый до социальной программы и «социалистически» насыщенный *ликурговский* миф. Таким образом, это социально-политический «*λακωνισμός*» (лаконизм), причем идеализация, т. е. идеологическое облагораживание и заострение лаконской *πολιτεία* в ее мифологически ориентированной на Ликурга² форме, начиная с Геродота и царя Павсания. Это «идеологическое» ядро, «дух», который сквозит также из социальных реформ Агиса IV, Клеомена III и даже Набиса³. Ведь эти реформы были вызваны не только социальными идеологиями и мифами (личное влияние стоика Сфера Борисфенского на Клеомена невозможно отрицать), но и черпали свою движущую силу из реальных социальных движений. В качестве их боевого клича перед нами предстают требования списания долгов (*ἀποκοπή τῶν χρεῶν*) и передела земли (*γῆς ἀναδασμός*), а в качестве их средства —

218

При внимательном чтении, особенно Платона, бросается в глаза просто поразительное многообразие *социологических* выражений в греческом языке и их довольно тонкая нюансировка именно у Платона. У него предвосхищена даже абстрактная понятийная пара Леопольда фон Визе: *связь — распад* (*κοινωνία — διάλυσις*). См.: [Wiese 1924: 1].

1 [Aristoteles 1872: 82-83].

2 Обобщая результаты новейших исследований, Ульрих Вилькен в своем образцовом очерке «Греческая история в рамках истории древности» говорит, что законодатель Ликург «никогда не жил, что скорее установления восходили к древнему спартанскому богу по имени Ликург, родственному с Зевсом Ликейским, пока его, по аналогии с иностранным законодателем, не превратили в человека, которому затем, поскольку в списках царей для него не было места, пришлось удовлетвориться положением опекуна одного из царей». См.: [Wilcken 1926: 72].

3 См. превосходную сжатую историю Спарты Виктора Эренберга: [Ehrenberg 1929: 1373-1453].

убийства (σφαγαί) и изгнания (φυγαί). Это социальное движение есть *постоянно возвращающаяся форма античного большевизма*. Большевизма без социализма!

Однако ликурговской миф как идеологическая форма мог принять и совершенно иное социальное содержание. Соответственно, он мог получить не только более мягкое, но и в принципе совершенно иное смысловое истолкование и практическое применение, нежели те, что известны нам из спартанских попыток реформ. Так, в случае Полибия и его соратников мы имеем дело с — выражаясь современным языком — либерально-консервативной формой ликурговского мифа. Разумеется, современные выражения «реакционный», «либеральный», «консервативный» и их соединения следует применять к античным обстоятельствам точно так же *cum grano salis*, как и выражения «демократический» и «аристократический» применительно к современной ситуации имеют существенно иной смысл, нежели в античном мире, который их когда-то сформировал.

II.

219

Когда Полибий в основном во фрагментах Шестой книги ставит вопрос о различии государственных форм, он как грек сразу фиксирует то, что, даже несмотря на частые революции, греческие политические формы предстают для смотрящего как назад, так и вперед исследователя в качестве осязаемых и прозрачных. В отличие от конституции Рима в силу ее пестроты. Этим замечанием Полибий начинает определение и обсуждение различных государственных форм. В своих определениях он, в сущности, следует за Аристотелем в его трех- или шестичастном разделении государственных форм. Терминология Полибия отличается от аристотелевской лишь немаловажным, историко-социологически показательным способом. У Аристотеля мы имеем три «здоровых», или «правильных» (ὀρθαί), государственной формы: царство (βασιλεία), аристократия (ἀριστοκρατία), полития (πολιτεία) и три их «извращения» (παρεκβάσεις): тирания (τυραννίς), олигархия (ὀλιγαρχία), демократия (δημοκρατία). У Полибия на месте δημοκρατία в качестве извращенного проявления народовластия выступает охлократия (ὀχλοκρατία). В качестве форм единоличного правления он отличает правильную (βασιλεία) и извращенную (τυραννίς). Монархия (μοναρχία) у Полибия (здесь он опять-таки следует за Аристотелем) есть родовое понятия единоличного правления — как правильного, так и извращенного, как естественно возникшего или неупорядоченного, так и планомерного или упорядоченного.

Однако наряду с обозначением *ὄχλοκρατία* для правления черни Полибий вводит термин, который демонстрирует совсем иной оттенок: *χειροκρατία*. Чтобы не создавать неологизма, это выражение можно передать как власть насилия или власть кулака. Насколько я знаю, самый распространенный перевод понятия на немецкий язык как *Faustrecht*, «кулачное право», неудовлетворителен и вводит в заблуждение, поскольку *χειροκρατία* для Полибия лишена не только какого-то правового основания, но и всякого правового смысла. Слово *χειροκρατία*, которое, насколько мне известно, в классическом языке не встречается ни у Исократы, ни у Ксенофонта, ни у Платона или Аристотеля, видимо, создано Полибием как социально-научный термин и связано со всем его пониманием общественной жизни, особенно с его пониманием права.

220

На мой взгляд, мало обращалось внимания на то, что собственно Полибий — единственный греческий мыслитель, который выдвинул точно очерченное, ясное и простое понятие правового государства. Как единоличное господство, так и господство многих, как монархия, так и аристократия и тем более демократия — чтобы быть здоровыми и правильными — должны основываться на добровольных решениях членов государства: *ἐξ ἐκόντων χωροῦμένην* (для монархии), *κατ'ἐκλογίην* (для аристократии). Столь же невозможно назвать демократией сообщество, где толпа может произвольно распоряжаться всем. В демократии толпа должна вести себя богобоязненно, нравственно и законопослушно, и только если побеждает мнение *народного большинства*, мы имеем дело — по Полибию — с *демократией*: *ὅταν τὸ τοῖς πλείοσι δόξαν νικᾷ*¹.

Каким-то образом выявленное или предполагаемое одобрение всех или хотя бы большинства членов государства тем самым является, по Полибию, необходимым требованием (*requisit*) для правового понятия государства (*πολίτευμα*, *полιτεία*). С подобной ясностью и остротой это требование не формулировалось ни у Платона, ни у Аристотеля. Для них при оценке соответствующей государственной формы определяющей была цель, которую организованная тем или иным образом государственная власть преследует как принципиально, так и практически. В качестве второго необходимого *requisit* у Платона и Аристотеля добавляется признак законности в самом общечеловеческом смысле слова. При этом у Платона законность государственного правления (*εὐνομία*), в отличие от незаконности (*ἀνομία* или *парνομία*), вероятно, подчеркивается еще сильнее, чем у Аристотеля, у которого

1 Partic. aor. от *δοκέω*. Ср. устойчивую формулу государственного права: *ἔδοξεν τῇ βουλῇ τῷ δήμῳ* — «совет и народное собрание постановили».

цель правления является наиболее определяющей¹. Суждения целесообразности также определяют относительное предпочтение, которое Аристотель отдает многим (οἱ πολλοί) перед «некоторыми, если это также лучшие» (Polit. III, 1281a-1282c) — по той причине, что полное бесправие многих в конечном счете было бы опасным и иногда даже невыгодным. Однако из этих замечаний Аристотеля невозможно вывести ни демократизма, ни убеждения правового государства.

Лишь у Полибия правомерность государства и государственной воли принципиально понимается как *соответствие народной воле*. Замечательным образом у Полибия монархия, аристократия и демократия приравниваются к формам правового государства.

Тем значимее то, что Полибий говорит об извращении демократии. Здесь в гениально сжатом виде проявляется весь политический и социологический опыт греков. Демократия, толпа (τὸ πλῆθος), многие (οἱ πολλοί), которых охваченные честолюбием богачи приучают «есть чужой хлеб и опираться на чужую заботу» — подобная демократия движется к своему распаду, превращаясь в голое господство насилия, становясь «хейрократией»². Из своей среды толпа выдвигает великодушного и мудрого вождя (προστάτης), которому до тех пор был закрыт путь к политическим почестям из-за бедности. Этим подтверждается наступление хейрокрации³.

221

Хейроκρατία, слово для обозначения эллинского большевизма, было придумано Полибием. Хейрокраτία — это не просто господство черни, но революционное насилие, господство кулака или применение насилия, которое выходит за рамки существующего правового порядка и лежащего в его основе правового сознания. В хейрократии чернь предается убийствам (σφαγαί), и изгнаниям (φυγαί), и переделу земли (γῆς ἀναδομοί), пока «не озвереет» и вновь не найдет себе господина, который затем распоряжается как единоличный правитель. Это круговорот (ἀνακύκλωσις) государственных конституций, естественная экономия (φύσεως οἰκονομία), согласно которой поли-

- 1 Однако для платоновского понятия εὐνομία (Polit. XXXII-XXXIII, 293-294) все же не является сущностным ни одобрение граждан, ни другие требования, а то, что правители «господствуют» «в соответствии с некоторым пониманием» (κατὰ τέχνην ἠντινοῦν). Это «понимание» (τέχνη) охватывает «знание» (ἐπιστήμη) и «право» (τὸ δίκαιον). Правильный ἐπιστήμων, обладатель τέχνη и ἐπιστήμη, не нуждается ни в каком ограничении: он несет его в себе.
- 2 IX, 7: τὸτ' ἤδη πάλιν τὸ μὲν τῆς δημοκρατίας καταλύεται, μεθίσταται δ' εἰς βίαν καὶ χειροκρατίαν ἢ δημοκρατία — «тогда уже снова то, что относится к демократии, уничтожается, а демократия превращается во власть насилия и хейрократию».
- 3 Ibidem: τότε δὴ χειροκρατίαν ἀποτελεῖ (sc. τὸ πλῆθος).

тические отношения (τὰ κατὰ τῆς πολιτείας) изменяются, превращаются и вновь возвращаются (καταντᾶ) к своему исходному пункту (πάλιν εἰς αὐτά).

Нужно сказать еще кое-что об учении о политическом равновесии властей¹, разработанном Полибием. На мой взгляд, это учение в конечном счете восходит к платоновско-аристотелевской идее μεσότης (середины), которая образует хребет всего нравственного мировосприятия особенно у Аристотеля, и к ее рецепции у Дикаеарха и средней Стои (Панетий)². Однако оно не только не противоречит, но и полностью созвучно с разработанным *самим* Полибием пониманием демократической правомерности, в равной степени созданным как на основе его аркадского или ахейского, так и римского опыта. Это понимание я хочу характеризовать как *полибианскую идею правового государства* как институционально укорененного соответствия государственно организованной народной жизни народной воле.

222

Принцип внутреннего политического равновесия и его осуществление является для Полибия достижением, которое обязано мудрости Ликурга и представляет собой его завещание эллинству. Применение Полибием понятия равновесия властей к римской конституции может показаться нам наивным и даже безвкусным — этот жесткий приговор Полибию вынес Моммзен. Речь идет о полибианской мысли о том, что Спарта, чей политический, «ликурговский» дух восхищал Полибия, не имела подлинного — мы бы сегодня сказали — «империалистического» призвания и бесславно сгинула, пытаясь осуществить подобное призвание в рамках эллинистической эпохи и в ожидании надвигающегося римского мирового господства. Эта мысль, как и вообще — выражаясь современным языком — совершенно «объективная» оценка римского государства со стороны эллинского историка, который, будучи в полной мере консервативным демократом, все же с пламенным патриотизмом придерживался эллинской культуры и жил внутри нее, содержит в себе что-то импонирующее и трогательное одновременно. Вероятно, Полибий был первый ум, который оказался в состоянии историко-социологически наполнить, прозреть, понять и отобразить власть как творческий исторический фактор. Ведь если Исократ

1 Понятие внутреннего политического равновесия (VI, 10, 7): ἀλλ' ἰσορροποῦν καὶ ζυγοστατοῦμενον ἐπὶ πολὺ κατὰ τὸν τῆς ἀντιπλοίας λόγον ἀεὶ τὸ πολιτεῦμα — государство всегда находилось в равновесии большей частью в соответствии с решением о (букв.) плавании против ветра. В переводе Вольфганга Мускулуца: *sed aequilibris, ut plurimum, et aequi ponderans perpetuo secundum aequalitatis rationem respublica maneret.*

2 О влиянии Панетия на Полибия см.: [Scala 1890: 251 и далее].

по праву мог ожидать от македонца как эллина возвышения и восстановления эллинства и, исходя из эллинской точки зрения, позитивно оценивать македонскую власть, то Полибий в этом смысле относился к римскому миру совершенно без иллюзий и судил действительно «объективно».

III.

Примечательна судьба, постигшая созданную Полибием социологическую категорию *хейрократии*. Это нагруженное содержанием и при этом образное выражение не стало крылатым словом (напрасно искать его у Бюхмана или Цоцмана!) и вообще не было включено в словарный запас культурных языков — ни в общераспространенный, ни в специально-научный¹. И все же это слово во время его создания имело и до нашего времени сохраняет *символическую силу* и глубокий *социологический смысл*. Оно обозначает не только одномоментное революционное прерывание правовой континуальности, но также, причем преимущественно, длительное непосредственно-ручное насильственное господство толпы, которое принципиально и фактически ставит себя как над субъективными правами, так и над гарантированным правовым процессом. Именно в этой сущности хейрократического господства заключается причина того, что оно когда-то произвело столь сильное впечатление на эллинский дух. Возможно, в описании тирана Набиса у Полибия² много преувеличений — в любом случае, это описание красноречиво выражает подобное впечатление. Не каждая тирания как узурпация была для эллинов «хейрократической» и, согласно Полибию, не должна была рассматриваться в качестве таковой. Хейрократия для Полибия — это не только некое отклонение от правильной меры, *παρέκβασις* в аристотелевском смысле, но также непосредственно «звериная» конституция государства: *ὁ θηριώδης καὶ χείροκρατικός τρόπος* (жестокый и насильственный способ), т. е. *δημοκρατίας* и *πολιτείας* вообще. У Вольфганга Мускулуса: *bestialis Chirokratia!* (зверская хейрокра-тия!)

223

1 В индекс Базельского издания (1547 года) латинского перевода включено слово *Chirokratia*. Мищенко характерным образом — он был верный традициям и умеренный демократ — не пытался ни переводить, ни комментировать созданное Полибием слово. Хотя дословный и точный русский перевод был не только возможен, но и лежал на поверхности. Он даже не включил в свой регистр само выражение, которое все же представляет собой, так сказать, терминологический факт!

2 Особенно в книге XIII, 6-8.

Разумеется, современные явления нельзя просто так сравнивать с античными ситуациями и социальным положением, не говоря уже о том, чтобы отождествлять с ними. Тем не менее невозможно избежать не только впечатления, но и социологического вывода о том, что наша послевоенная эпоха после русской большевистской революции борется с «хейрократическим» потоком и в довольно значительной мере уступает ему. Это совершенно объективная констатация. Она заслуживает основательного осмысления в сравнительно-историческом и социологическом аспекте.

Целью моих рассуждений было инициировать подобное осмысление и способствовать заслуженному признанию мощного полибианского *понятийного символа* — ведь «слова языка суть понятийные символы» (Вундт).

Библиография / References

Васильевский В.Г. (1868–1869) Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в эпоху ее упадка. Журнал Министерства Народного просвещения, тт. 139–142.

— Vasilevsky V.G. (1868–1869) Political reform and social movement in ancient Greece in the era of its decline. *Journal of the Ministry of Public Education*, vols. 139–142. — In Russ.

Полибий (1890–1899) Всеобщая история. В 3 томах. Пер., вступ. ст. и прим. Ф. Г. Мищенко. СПб.

— Polybius (1890–1899) *General history*. In 3 volumes. Translated by F.G. Mishchenko. SPb. — In Russ.

Aristoteles (1872). *Politik*. Erstes, zweites und drittes Buch. Mit erklärenden Zusätzen ins Deutsche übertragen von Jakob Bernays. Berlin.

Below G. v. (1914) *Der Deutsche Staat des Mittelalters*. Vol. I. Leipzig.

Dubois M. (1885) *Les ligues étolienne et achéenne. Leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonism*. Paris.

Ehrenberg V. (1929) Sparta (Geschichte). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 2. Reihe. 3. Bd., A, 2: Sparta–Stluppi.

Keutgen F. (1918) *Der Deutsche Staat des Mittelalters*. Jena.

Scala R. von (1890) *Die Studien des Polybios*. Bd. I. Stuttgart.

Schoeffer V. (1903) Demokratia. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung*. Supplementband I, Aa—Demokratia: 346–374.

Wiese L. von (1924) *Allgemeine Soziologie*. Teil I. Beziehungslehre. Berlin–Leipzig.

Wilcken U. (1926) *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. München–Berlin.

Рекомендация для цитирования:

Струве П. (2022) Хейрократия: к характеристике античного большевизма и социализма (социологическое исследование Полибия). *Социология власти*, 34 (2): 214-225.

For citations:

Struve P. (2022) Cheirocracy: To the Characteristics of Ancient Bolshevism and Socialism (a Sociological Study of Polybius). *Sociology of Power*, 34 (2): 214-225.

Поступил в редакцию: 20.06.2022; принят в печать: 25.06.2022

Received: 20.06.2022; Accepted for publication: 25.06.2022